

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*А.В. ЛЫСОВА***Женская агрессия и насилие в семье***

Внутрисемейная агрессия и насилие относятся к числу сложных междисциплинарных проблем и изучаются в рамках криминологии, социологии, психологии, медицины и других областей знания, но лишь недавно (чуть более десяти лет назад) они стали предметом анализа российской науки. Однако некоторые виды домашнего насилия, а именно крайние его формы – супружеские убийства, убийства детей и родителей в семье – довольно активно исследовались в России уже в начале и во второй половине XX в. В качестве примера можно привести исследование антропометрическим методом 160 женщин-убийц криминалистом-антропологом П. Тарновской в 1901 г. В первой трети XX в. появились работы по психиатрии и психологии о разных психологических и психопатологических аспектах убийств в семье [Шумский, Калюжная, Ювенский, 2004]. В криминологии исследованием проблемы внутрисемейных убийств с середины 1970-х гг. активно занимается Д. Шестаков. Однако в целом в отечественной науке проблеме внутрисемейного насилия, совершаемого женщинами, уделяется очень мало внимания, несоизмеримо меньше, чем, например, преступлениям в семье, совершаемым мужчинами.

Хотелось бы восполнить этот пробел, уделив особое внимание крайней форме насилия – убийству. Последнее связано с чрезвычайно высоким уровнем насильственной преступности в России по сравнению с другими странами, с одной стороны, и с тенденцией увеличения уровня насильственной преступности, совершаемой женщинами, – с другой. Так, уровень зарегистрированных убийств в нашей стране превышает таковой в США более чем в 3 раза, а в странах Западной Европы – более чем в 15 раз: 19,86 убийств на 100 тыс. человек в России (2000 г.) против 5,62 – в США (2002 г.) и 1,11 – в Германии (2002 г.) [The United... 2002]. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в 2002 г. в России смерть в результате насильственных причин зафиксирована у 10 716 женщин (14,1 на 100 тыс. человек), 33 536 мужчин (50,2 на 100 тыс. человек), 481 ребенка до 12 лет (2,0 на 100 тыс. человек) и 3816 людей старше 65 лет (20,4 на 100 тыс. человек) [World... 2002]. Точно сказать, сколько взрослых и престарелых мужчин, женщин, а также детей погибли именно в семье от рук близких родственников трудно, так как до последнего времени отсутствовала регистрация родственных отношений преступника и жертвы, а официальные органы МВД в своих от-

* Работа выполнена при поддержке программы канцлера Германии в рамках фонда А. Гумбольдта (Институт Макса Планка по международному и зарубежному праву (МПИ), Фрайбург, Германия).

Лысова Александра Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института психологии и социальных наук Дальневосточного государственного университета (Владивосток).

четах не выделяют эту статистику отдельной строкой. Однако согласно данным эмпирических исследований, относящимся к середине 70-х гг. прошлого века в Санкт-Петербурге, внутрисемейные убийства составляли около 40% всех убийств [Преступность... 2003, с. 31].

В настоящее время криминологи отмечают тенденцию к росту преступной активности женщин, что приближает нашу страну к показателям преступной активности американок [Преступность... 2003, с. 35], где соотношение убийц-мужчин и убийц-женщин в семье равно 1,3 : 1, соответственно, то есть на 100 мужей, убивших своих жен, приходится 75 жен, убивших своих мужей [Wilson, Daly, 1992]. Тенденцию роста насильственной преступности женщин отмечают и российские психиатры [Шумский, Калужная, Ювенский, 2004].

Цель данной работы – выявление видов женского насилия в семье, мотивов и факторов риска, связанных с совершением женщинами насилия в межличностных отношениях с партнером, а также выделение психологических типов женщин, совершивших крайне выраженную форму насилия – убийство своих мужей/сожителей и других родственников. Для этого следует рассмотреть специфику женской преступности, сделать обзор современных западных исследований этой проблемы, на материалах психиатрических экспертиз раскрыть личностные характеристики женщин, убивших своих мужей и других кровных родственников, а также представить результаты социологических и криминологических исследований по этой теме в России. Ставя перед собой вышеперечисленные задачи, я надеюсь привлечь внимание отечественного научного сообщества к проблеме женской агрессии и насилия в семье для дальнейшего исследования данного феномена с тем, чтобы выработать эффективные меры профилактики преступности в семье.

Специфика женской преступности

С начала исследований домашнего насилия в США и странах Западной Европы (60-е гг. XX в.), посвященных, в основном, проблеме избиваемых жен, укрепилось мнение, что женщины выступают только в роли жертв семейного насилия. Однако вскоре появились данные, опровергающие эту точку зрения. Например, от 23 до 83% избиваемых жен, как минимум, однажды в целях обороны или нападения сами совершали физическое насилие в отношении своих партнеров [Straus, Gelles, Steinmetz, 1980; Saunders, 1986]. Более того, в 70-е гг. прошлого века С. Стайнметц ввела новый термин "синдром избиваемого мужа", чтобы подчеркнуть важность проблемы физического насилия в отношении мужчин в семье [Steinmetz, 1977–1978].

В России, по данным МВД, в 2004 г. женская преступность в структуре преступности составляла 17%, а мужская – 83% [Лунеев, 2005, с. 221]. При этом большинство насильственных преступлений, совершаемых женщинами, приходится на семейную сферу, в отличие от публичной/общественной сферы, где по числу насильственных преступлений лидируют мужчины.

Женщины гораздо чаще убивают своих сожителей – партнеров, с которыми живут в фактическом браке, а не мужей [Shackelford, 2001]. Исследования показывают, что преступления, совершаемые женщинами как в публичной сфере, так и в семье, чаще всего эмоционально мотивированы, импульсивны. В момент совершения преступлений в семейной сфере женщины часто находятся в состоянии депрессии, отчаяния, тревоги, злости, ревности, напряжения или беспомощности [Ben-David, 1993, p. 347]. На примере собственной трехфакторной модели (стимулы, поведенческие факторы, ситуационные факторы) С. Бен-Дэвид объясняет превалирование преступлений, совершаемых женщинами именно в семейной, а не в общественной сфере, хотя мотивы могут быть одинаковыми или похожими. Что касается первого фактора – *стимулов*, то в силу особенностей социализации девочек через привязанность к семье и дому, внутрисемейные отношения и близость становятся для них особой ценностью, которую они хотят сохранить. Угроза же целостности семьи исходит в основном из самой

семьи (отношения с мужем, детьми, родственниками), а не из общественной сферы. И хотя агрессивность и злость подавляются в процессе социализации девочек, они наблюдают и моделируют поведение своих родителей (как самозащиту, так и нападение), агрессивную манеру воспитания детей и воспроизводят это поведение позже в своей личной, прежде всего семейной, жизни, а не в общественной сфере. Так реализуется второе условие (*поведенческие факторы*) для совершения насилия женщинами преимущественно в семье.

Наконец, в большинстве даже самых развитых западных обществ до сих пор присутствуют черты традиционного разделения ролей между мужчинами и женщинами, где женщины все еще идентифицируют себя с ролями жены и матери. Поэтому, когда под угрозой оказывается семья, то одновременно опасности подвергается "весь мир" женщины, ее идентичность и социальный статус. Естественно, что женщина склонна реагировать на это стрессом и тревогой. Возникшее напряжение требует разрядки, однако в общественной сфере такое снятие стресса чревато неприятными последствиями (например, есть вероятность подвергнуться насилию и пострадать от травм со стороны незнакомых или малознакомых мужчин, быть уволенной с работы, и т.д.). В семейной же обстановке женщины часто убеждены, что их дети и муж не причинят им боли, поэтому напряжение и злость можно выплеснуть на близких (*ситуационные факторы*). Таким образом, все три условия, необходимые для совершения насилия женщинами, представлены именно в семье, а не в общественной сфере.

Помимо рассмотренной модели, для России важен такой фактор, как злоупотребление алкоголем. Уровень потребления алкоголя на душу населения в России – один из самых высоких в мире и составляет примерно 15 л на человека в год; 72,2% всех убийств связано с алкоголем; около трети всех смертей в России составляют прямые и не прямые "алкогольные" потери [Немцов, 2003]. Пьют россияне в основном дома. Существенный рост женского алкоголизма особенно заметен в молодежной среде [Егоров, 2005] (данные по употреблению алкоголя студентами в России показывают, что большинство из них регулярно выпивают, и только 1,3% студенток и 1,4% студентов сообщили, что не употребляют алкоголь [Денисенко, 2006]).

В современной западной социологии можно условно выделить два лагеря исследователей. Первые причисляют себя к феминистически ориентированному направлению (*feminist perspective*) и придерживаются идеи существования половой *асимметрии* в совершении насилия в семье, согласно которой мужчины – агрессоры, а женщины – жертвы домашнего насилия. Другие ученые называют себя представителями направления семейного насилия (*family violence perspective*), отстаивая идею половой *симметрии*, когда мужчины и женщины обладают примерно равным потенциалом в совершении насилия в семье над домочадцами (мужем/женой, детьми, престарелыми родителями). Сторонники обоих подходов строят свои исследования на разной методологической основе и базируются на разной концептуализации понятия "насилие". Некоторые ученые именно здесь видят различия в результатах и, как следствие, в мерах по предотвращению внутрисемейного насилия [Dobash, Dobash, 2004].

Итак, представители феминистического направления считают, что насилие в семье, совершаемое женщинами, – проблема исключительно *самозащиты* женщин от агрессивных доминирующих мужчин. Сторонники второго направления, в которое входят сторонники умеренно феминистических идей, полагают, что женщины в совершении насилия движимы теми же мотивами, что и мужчины, среди которых, *помимо самозащиты*, присутствуют и злость, и ревность, и корысть, и депрессия, и неадекватные навыки коммуникации, и раздражительность, и желание контролировать партнера, и посттравматическое стрессовое расстройство, и депрессия, и т.д. Женщины инициируют насилие в межличностных отношениях так же часто, как и мужчины, однако поскольку мужчины физически сильнее, то женщины чаще страдают от травм и становятся жертвами насилия и убийств в семье.

Представленное разделение очень условно. Противоречие между двумя направлениями исследований попытался разрешить М. Джонсон, в 1995 г. разработавший кон-

цепцию о существовании двух типов насилия в семье: "обычного насилия" (*common couple violence*) и "патриархального терроризма" (*patriarchal terrorism*) [Johnson, 1995]. Он предположил, что представители феминистического направления говорят прежде всего о патриархальном терроризме, наиболее жестоких формах насилия в семье, где, как правило, жертвами оказываются женщины. Представители подхода семейного насилия исследуют "обычное насилие", характерное для большинства семей, где мужчины и женщины примерно в равной степени иницируют и совершают преимущественно легкие формы насилия в отношении друг друга.

Теоретическим основанием для представителей этого направления чаще всего служит патриархальная теория, согласно которой большая власть и привилегии мужчин в социальной иерархии в буквальном смысле дают им право доминировать и контролировать поведение женщин и детей. Мотивы к продолжению отношений с мужем-агрессором, а также способы реагирования женщин на тяжелую ситуацию в семье вплоть до убийства объясняются, в основном, "синдромом избиваемой жены" и теорией выученной беспомощности, разработанной Л. Уолкер. Большинство количественных, и прежде всего качественных, исследований, основанных на радикальной феминистической теории, практически всегда демонстрируют агрессивное поведение мужчин и невиновность и виктимность женщин. Даже в тех ситуациях, когда исследования показывают примерно одинаковый уровень насилия и убийств в семье, совершаемых мужчинами и женщинами, мотивация этих действий объясняется по-разному. Кратко картина семейного насилия у представителей данного направления такова: мужа или сожителя нападают первыми, издеваются, унижают и оскорбляют женщин; женщины терпят подобное отношение, потому что им некуда идти (нет своего жилья), "чтобы не лишать детей отца" либо из-за страха мести; убивают жен часто в период, когда они готовы к разрыву. Женщины почти никогда не иницируют физическое насилие сами, а если и совершают его, то в основном в легкой форме (дают пощечину, швыряют предметы, толкаются и т.д.); убивают женщины, лишь пытаясь защитить себя и/или детей.

Теоретическим основанием для исследователей школы семейного насилия, помимо патриархальных теорий, служат теории конфликта, социального обмена, структурных социальных факторов и др. Одной из первых работ, посвященных проблеме насилия в семье, совершаемого женщинами, стало исследование Стайнметц "Синдром избиваемого мужа" (1977), где были подняты вопросы общественного высмеивания мужчин-жертв и проблемы латентной виктимизации мужчин в семье. М. Страус и Р. Геллес провели репрезентативные исследования в США (1975, 1985 гг.), которые показали, что уровень совершаемого женщинами физического насилия в семье примерно такой же, как у мужчин и даже выше. Подчеркну, что исследования в России и в других странах, например в Канаде, Германии, Тайване, Китае, Гватемале, Литве, выявили ту же тенденцию [Straus, 2006]. В 1995 и затем в 2005 г. Страус выдвигает проблему женской преступности в семье на первый план, озаглавив свою статью "Женское насилие в отношении мужчин как социальная проблема". Тем самым он привлек внимание научного сообщества к этому вопросу и подчеркнул, что без его признания эффективных мер профилактики и снижения уровня семейного насилия выработать не удастся. Страус убежден: «Чтобы снизить насилие в отношении жен, для женщин важно прекратить делать то, что они считают "безвредными" пощечинами, шлепками или бросанием предметов в мужчину-партнера, который может прийти в бешенство и не станет слушать оправдания» [Straus, 1999, p. 21].

Эти исследователи считают отношения насилия в семье результатом сложной динамики активных действий и мужчин, и женщин, а не односторонним процессом, и полагают, что усиление роли государства с применением практик обязательного реагирования (ареста, судопроизводства, информирования), продвигаемых представителями радикального феминизма, навредят семье, лишив женщин ответственности и власти над ситуацией [Лысова, 2005]. Изучение мотивации совершения насилия и убийств женщинами в межличностных отношениях демонстрируют сложную картину. Моти-

вами и факторами риска служат опыт насилия, полученный женщиной в детстве, месть в момент благоприятной возможности (например, муж пьян) и насилие как способ справиться со стрессом [Belknap, Melton, 2005], злость, депрессия и посттравматическое расстройство [Swan... 2005], антисоциальные и пограничные черты личности, конфликтные отношения с партнером, неумение управлять своими чувствами, доминирование в случае совершения легкого физического насилия, а также ревность и социальная изоляция – в случае совершения тяжелых форм насилия [Straus, Medeiros, 2007].

Виды женского насилия и агрессии в межличностных отношениях

В исследовании насилия в межличностных отношениях, проведенном в трех городах России в 1996 г., не было выявлено гендерных различий в совершении вербальной агрессии мужчинами и женщинами, однако общая тенденция такова, что женщины оказались более склонны к ее проявлению, чем мужчины [Vannoy... 1999]. Так, 87% жен по сравнению с 83% мужей сообщили, что "повышали голос при выяснении отношений", как минимум, однажды, при этом 24% жен и только 7% мужей делали это часто. Оскорбляли своих супругов 47% жен и 37% мужей, при этом жен, оскорблявших мужей часто, оказалось в три раза больше. В два раза больше жен угрожали изменой мужу, в то время как в два раза больше мужей намеревались причинить боль близким людям жены. Мужья несколько чаще жен угрожали причинить боль партнеру (14% против 12%). В целом уровень вербальной агрессии был выше среди разведенных партнеров, чем состоящих в браке, а также среди молодых респондентов (18–29 лет) по сравнению с более старшими.

В качестве члена международного консорциума я в 2004–2006 гг. провела исследование насилия на свиданиях в России (International Dating Violence Study, IDVS) (руководитель консорциума и исследования Страус) [Лысова, 2006] в четырех университетах¹. Всего опрошено 750 человек, однако анализировались данные 500 респондентов, которым на момент исследования исполнилось 18 лет и имевшим опыт свиданий с партнером не менее одного месяца. Данная выборка не является репрезентативной. В качестве основного инструмента измерения насилия между партнерами послужили Шкалы способов разрешения конфликтов (*Conflict Tactics Scales, CTS2*), разработанные Страусом в 1979 г. Средний возраст мужчин и женщин – 20 лет. Более четырех пятых респондентов встречались с партнером на свиданиях. Средняя продолжительность отношений респондентов в целом составила меньше года (9,7 месяцев); опрошенные женщины состояли в более длительных отношениях по сравнению с мужчинами (8 месяцев для мужчин и 11 месяцев для женщин, $t = 3,5$, $p < 0,001$).

В анкете измерялась частота совершения насилия против партнера в предшествующие 12 месяцев, а именно: уровень физического насилия (например, толкал, избивал партнера), психологической агрессии (оскорблял, портил любимые вещи) и сексуального принуждения (настаивал на сексе без применения силы, угрожал, применял силу). Также измерялась степень травм, полученных в результате насилия со стороны партнера. На вопрос о том, совершал ли респондент хотя бы один акт физического насилия в отношении партнера, 38% женщин по сравнению с 24% мужчин ответили утвердительно ($\chi^2 = 9,89$, $p < 0,01$). Гораздо больше женщин (68%), чем мужчин (53%), сообщили о совершении, как минимум, одного акта психологической агрессии ($\chi^2 = 10,1$, $p < 0,001$). Что касается совершения сексуального принуждения в отношении партнера, то примерно одинаковое число мужчин и женщин признали, что делали это (25% мужчин и 22% женщин, $\chi^2 = 0,8$, $p > 0,05$). Отмечу, что хотя в два раза больше женщин

¹ Дальневосточном государственном университете (Владивосток), Алтайском государственном политехническом университете им. И.И. Ползунова (Барнаул), Санкт-Петербургском государственном университете и Санкт-Петербургском университете МВД России. Выражаю благодарность С. Саклаковой и К. Лиманской, опросившим студентов в Барнауле и Санкт-Петербурге, соответственно.

сообщили о нанесении травм своему партнеру (10% женщин и 5% мужчин, $\chi^2 = 4,56$, $p < 0,05$), в вопросах на виктимизацию женщины чаще мужчин признавали, что пострадали от травм в результате насилия (9% женщин и 4% мужчин, $\chi^2 = 5,14$, $p < 0,05$).

Факторы риска в совершении женщинами насилия в межличностных отношениях

Социологических исследований, посвященных выявлению факторов риска в совершении межличностного насилия женщинами в России, практически не проводилось. В исследовании насилия на свиданиях между студентами университетов, помимо уровня совершаемого насилия, измерялись также 23 шкалы, входящие в Профиль личности и отношений (*Personal and Relationships Profile (PRP)*) [Straus... 1999]. Личностные характеристики респондентов измерялись по следующим шкалам: антисоциальные и пограничные черты личности, история правонарушений, депрессия, гендерная враждебность, отсутствие заботы в детстве, посттравматический стресс, интеграция в общество, злоупотребление субстанциями и алкоголем, самоконтроль, стрессовые условия жизни, опыт сексуального насилия в детстве, оправдание насилия и жестокая социализация. Характеристики отношений измерялись по таким шкалам, как управление злостью, коммуникационные проблемы, конфликт с партнером, доминирование, ревность, негативная атрибуция, вовлеченность в отношения и напряженность в них.

Для выявления взаимодействия между 23 шкалами, измеряющими факторы риска, и совершением женщинами физического насилия против своего партнера в отношениях был применен метод бинарной логистической регрессии. В качестве зависимой переменной выступила дихотомическая переменная совершения или несвершения насилия, а независимой переменной – каждая из шкал. В качестве контрольных переменных в модель всегда вводилась переменная социально-экономического статуса, социальной желательности и продолжительности отношений. Результаты логистической регрессии в таблице показывают существование значимой прямой связи 11 из 23 факторов риска (48%) с совершением физического насилия на свиданиях против партнера-мужчины.

Помимо данных о значимости связи, можно также интерпретировать значение коэффициента регрессии *Exp(B)*: каждое увеличение на единицу по шкале фактора риска, например злоупотребления алкоголем, приводит к увеличению шансов совершения физического насилия женщинами в 1,79 раза или на 79%. В свою очередь, каждое увеличение на единицу по шкале управления злостью или самоконтроля, наоборот, снижает вероятность совершения женщинами насилия на 77 и 73%, соответственно, что согласуется с моими предположениями. В целом полученные результаты позволяют сделать вывод о значимом влиянии следующих факторов риска на увеличение шансов совершения насилия женщинами: стрессовые условия жизни, антисоциальные и пограничные черты личности, злоупотребление алкоголем, конфликт с партнером, доминирование, негативная атрибуция событий и оправдание насилия. Среди факторов, снижающих вероятность совершения насилия женщинами, отмечу наличие навыков управления злостью и самоконтроля, а также вовлеченность в отношения с партнером. Полученные данные согласуются с результатами других западных исследований [Straus, Medeiros, 2007].

Типология женщин-убийц в семье

Крайней формой внутрисемейной агрессии является убийство. Уникальные данные актов судебно-психиатрической экспертизы женщин, обвинявшихся в убийстве своих мужей и близких родственников, приведенные в коллективной монографии "Женщины-убийцы. Очерки судебной психиатрии" [Шумский, Калюжная, Ювенский, 2004], позволяют выделить, как минимум, два крайне выраженных (полярных) психологических типа женщин-убийц. Всего было обследовано 96 женщин: 25 совершили убийства мужей/сожителей в состоянии аффекта, 27 женщин убивали мужей/сожителей, не

**Результаты логистической регрессии отношения 23 факторов риска
к совершению женщинами физического насилия на свидании**

Факторы риска	<i>Exp (B)</i>	Критерий Вальда
Управление злостью	0,23	9,81**
Антисоциальные черты личности	6,20	14,92***
Пограничные черты личности	2,89	9,44**
История правонарушений	1,41	1,01
Конфликт с партнером	2,95	11,42**
Коммуникационные проблемы	2,01	2,30
Депрессия	1,00	0
Доминирование	2,98	6,74**
Гендерная враждебность	0,64	1,16
Ревность	1,66	3,18'
Негативная атрибуция	2,27	6,63**
Отсутствие заботы в детстве	1,66	2,20
Посттравматический стресс	1,75	2,29
Вовлеченность в отношения	0,57	4,17*
Напряженность в отношениях	1,44	1,55
Самоконтроль	0,27	11,20**
Опыт сексуального насилия в детстве	0,64	1,62
Интеграция в общество	0,48	2,84'
Стрессовые условия жизни	5,75	14,33***
Злоупотребление субстанциями	2,03	3,67'
Злоупотребление алкоголем	1,79	6,82**
Оправдание насилия	2,23	4,41*
Жестокая социализация	1,76	2,31

' $p < 0,10$, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

будучи в состоянии аффекта, 6 женщин убили своих детей (4 женщины убили маленьких детей и 2 – взрослых), остальные обвинялись в убийстве близких родственников (матерей, отцов, братьев) или посторонних лиц.

Главные черты личности женщин, признанных совершившими убийство своих мужей/сожителей в состоянии аффекта, – терпение, покорность обстоятельствам, отсутствие склонности к агрессии и то, что психиатры квалифицируют как психический инфантилизм или незрелость личности, несмотря на возраст, образование, жизненный опыт, а именно: неспособность жить собственной жизнью, брать на себя ответственность. Причины неудач в своей жизни они связывали с другими людьми, в частности с мужьями, и несмотря на истязания, насилие мужей и их алкоголизм, надеялись, что все однажды изменится (идеальные ожидания от семейной жизни). Из 25 женщин в этой группе 18 после замужества начали употреблять алкоголь, однако часто для того, чтобы уменьшить дозу спиртного пьющего в этот момент мужа или снять собственную подавленность. Одиннадцатью женщинами убийства были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Поводом для убийства всегда было агрессивное поведение пьяных мужей и сожителей, сопровождаемое угрозами убийства. Блокировка защитного поведения у всех обследуемых из этой группы приводила к накоплению побуждений, которые никак не реализовывались. Аффект возникал в момент "потери терпения", сопровождаемый страхом. Убийства носили импульсивный характер и совершались первыми попавшимися под руку предметами. Отмечались фрагментарность восприятия, снижение способности осознавать содеянное. Убийство, несмотря на внешне тягелый и агрессивный характер, обычно представляло для них первый "сброс" длительного эмоционального напряжения и было выражением скорее отчаяния и безна-

дежности, чем активной защиты. Орудиями убийства чаще всего были нож (в 16 случаях), топор, утюг, табуретка. В одном случае пьяного мужа застрелили из винтовки, в двух – пьяных мужей сбили с ног и затоптали, еще в одном случае спящий муж был задушен, одного из мужей убил наемный убийца. К моменту совершения убийства у 19 обследуемых сохранялась хорошая социальная адаптация.

Материальное положение обследуемых к моменту правонарушения определялось бедностью (16 человек) или нищетой (9 человек). Сразу после вступления в брак и рождения первого ребенка агрессивность мужей проявлялась недовольством, бранью и оскорблениями. Затем начинались избиения. Били не только руками и ногами, но и подворачивающимися под руку предметами: ножками от стула, скалками, ручками от щеток, в одном случае – цепью. Избиения могли сопровождаться унижительными поступками или требованиями: женщинам плевали в лицо, вынуждали на коленях просить прощения, выгоняли на улицу, заставляли спать у порога. При этом жены в подавляющем большинстве надеялись, что мужья перестанут пить, избиения прекратятся, жизнь наладится. У многих эта вера наперекор всему сохранялась годы. То, что их бьют, обследуемые скрывали от окружающих. Женщины из этой группы редко обращались за помощью (лишь трое из них), а если обращались, то помощь органов милиции была временной и не могла как-либо повлиять на семейную ситуацию. Разводу чаще всего препятствовали невозможность разделить квартиру, бедность, жалость и в редких случаях – любовь к мужу-алкоголику. Таким образом, женщины-убийцы свыкались с безнадежностью ситуации и невозможностью ее изменить. Они научались не столько жить, сколько выживать в семье.

У всех 27 обследованных женщин, обвинявшихся в убийстве своих мужей или сожителей не в состоянии аффекта, были сходные черты личности – раздражительность, возбудимость и агрессивность. По сравнению с первой группой обнаружена меньшая наследственная отягощенность алкоголизмом. Во всех случаях отмечалась асоциальная направленность личности, непосредственные формы проявления аффективных реакций – частые обоюдные ссоры и драки. В семейных отношениях женщины стремились доминировать, проявляли ревность, неудовлетворенность партнером, склонность к многочисленным сексуальным контактам с различными партнерами. Материнская роль для этой группы женщин второстепенна. Свои проблемы обследуемые плохо осознавали, а неудовлетворенность жизнью связывали в первую очередь с партнером. Противоправное поведение обследуемых связано не с накоплением аффективных переживаний (как в случае с женщинами, совершившими убийства в состоянии аффекта), а с патологическими изменениями личности (в том числе вследствие хронического алкоголизма). Почти все убийства совершались этими женщинами в состоянии алкогольного опьянения. Непосредственный повод трагедии ни в одном из случаев не был связан с угрозой жизни убийце. Зачастую он был совершенно случайным: "увидела с другой и ударила ножом из ревности", "ударила, чтобы отвязался", "надоела такая жизнь" и т.д.

На первый план в структуре личности этих женщин выступали черты эгоцентризма, отмечалась неспособность брать на себя ответственность за свое поведение. У всех обследуемых отмечались трудности в межличностных отношениях, связанные с повышенной конфликтностью, с чертами аффективной ригидности, с прямой или скрытой враждебностью по отношению к окружающим. Большинство женщин из этой группы еще до совершения убийства мужей были судимы (чаще всего за кражи, изредка за бродяжничество, разбой, нанесение тяжких телесных повреждений и убийство). Почти все мужья и сожители отличались вспыльчивым характером и легко проявляли по отношению к женщинам словесную и физическую агрессию, били их. Как и в случае с женщинами, совершившими преступление в состоянии аффекта, орудиями убийства, как правило, были предметы домашнего обихода. Большинство женщин-убийц жалость к убитым испытывали редко, так как считали себя правыми.

В результате данного психолого-психиатрического исследования можно сделать вывод, что агрессивное поведение присуще не только мужчинам, но и женщинам.

У таких женщин наблюдались черты характера, близкие к тем, что встречались у пострадавших мужчин, в первую очередь эксплозивность, пьянство и нарастающая социальная дезадаптация. Если выстроить в один ряд агрессивных женщин, убивавших своих мужей и сожителей вне состояния аффекта, убийц из корысти, мести, и убийц собутыльников, то среди них будут заметны (начиная с убийц мужей) нарастающее в последующих группах усиление пьянства, учащение случаев криминального поведения, частоты и степени снижения социальной адаптации.

В соответствии с классификацией психических болезней *DSM-IV*, используемой в США и некоторых странах Западной Европы, женщин, совершивших убийство членов семьи в состоянии аффекта, можно охарактеризовать как имеющих элементы депрессивного и зависимого расстройств личности. Типу женщин, совершивших корыстные убийства, убийства из мести, убийства мужей и близких родственников не в состоянии аффекта, присущи антисоциальное и пограничное расстройства личности. В связи с этим можно предположить, что мотив самообороны, представленный в качестве основного и едва ли не единственного в случаях объяснения женского внутрисемейного насилия в феминистических работах, характерен для женщин в основном с депрессивными и зависимыми чертами личности. Оказавшись в сложившейся семейной ситуации, они смогли разорвать круг проблем, только убив мужа/сожителя. Однако выявление второго типа женщин, убивших мужей, сожителей, близких родственников или окружающих из корыстных побуждений, из мести или в момент приступа злости и ярости, демонстрирует гораздо более широкий диапазон возможных мотивов в совершении женщинами насилия в семье. Это согласуется с результатами сторонников теорий симметричности полов в совершении насилия в межличностных отношениях в США, Канаде, Германии и других странах, а также с результатами исследования насилия на свиданиях в российских университетах.

Факторами риска, увеличивающими вероятность совершения женщинами насилия в межличностных отношениях, оказались: тяжелые условия жизни (например, бедность, стресс, связанный с тяжелой работой и неуверенностью в завтрашнем дне), злоупотребление алкоголем женщинами и/или их партнерами, агрессивность, оправдание насилия, желание контролировать поведение партнера (доминирование) и др. Таким образом, следует подчеркнуть сложность мотивации совершения насилия и убийств женщинами в межличностных отношениях в отличие от более простой модели, представленной феминистически ориентированными исследователями. Убеждена, что признание существования всех форм мотивации женского насилия позволит, во-первых, считать женщин активными агентами коммуникации, ответственными за свои поступки, а не представлять их в качестве безответственных беспомощных существ, подавленных патриархальной культурой. Во-вторых, это даст возможность разрабатывать более эффективные способы реагирования и профилактики насилия в российских семьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Денисенко М. Российский студент в интимной жизни // Демоскоп Weekly. 2–15 октября 2006. № 259–260 (<http://demoscope.ru/weekly/2006/0259/tema02.php>).
- Егоров А.Ю. О типологии супружеского алкоголизма // Вестник клинической психологии. Т. 3. № 1. 2005.
- Лунев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005.
- Лысова А.В. Насилие в семье – объект социальной политики в США // Социологические исследования. 2005. № 12.
- Лысова А.В. Насилие на свиданиях в России // Социологические исследования. 2006.
- Немцов А. Алкогольная смертность в регионах России // Население и общество. 2003. № 78 (<http://www.demoscope.ru/acrobat/ps78.pdf>).
- Преступность среди социальных подсистем. Новая отрасль и отрасли криминологии. СПб., 2003.

- Шумский Н.Г., Калужная Н.Б., Ювенский И.В. Женщины-убийцы. Очерки судебной психиатрии. СПб., 2004 (http://www.koob.ru/shumskij_n_g/zhenshin_ubijci).
- Belknap J., Melton H. Are Heterosexual Men Also Victims of Intimate Partner Abuse? // Applied Research Forum: National Electronic Network on Violence Against Women. 2005.
- Ben-David S. The Two Facets of Female Violence: The Public and the Domestic Domains // Journal of Family Violence. 1993. Vol. 8. № 2.
- Dobash R.P., Dobash R.E. Women's Violence to Men in Intimate Relationships. Working on a Puzzle // British Journal of Criminology. 2004. № 44.
- Johnson M.P. Patriarchal Terrorism and Common Couple Violence: Two Forms of Violence Against Women // Journal of Marriage and the Family. 1995. Vol. 57. № 2.
- Saunders D.G. When Battered Women Use Violence: Husband-Abuse or Self-Defense // Victims and Violence. 1986. № 1.
- Shackelford T.K. Partner-Killing by Women in Cohabiting Relationships and Marital Relationships // Homicide Studies. 2001. Vol. 5. № 3.
- Steinmetz K.S. The Battered Husband Syndrome // Victimology. 1977–1978. № 3–4.
- Straus M.A. Dominance and Symmetry in Partner Violence by Male and Female University Students in 32 Nations // Paper Presented at Conference on Trends in Intimate Violence Interventions. New York, May 23, 2006 (<http://pubpages.unh.edu/~mas2>).
- Straus M. The Controversy Over Domestic Violence by Women: a Methodological, Theoretical, and Sociology of Science Analysis // Violence in Intimate Relationships. Thousand Oaks (Cal), 1999.
- Straus M.A., Gelles R.J., Steinmetz S.K. Behind Closed Doors: Violence in the American Family. New York, 1980.
- Straus M.A., Hamby S.L., Boney-McCoy S., Sugarman D.B. The Personal and Relationship Profile (PRP). Durham (N. H.), 1999 (<http://pubpages.unh.edu/~mas2>).
- Straus M.A., Medeiros R.A. Gender Differences in Risk Factors for Physical Violence Between Dating Partners (In print). 2007.
- Swan S.C., Gambone L.J., Fields A.M., Sullivan T.P., Snow D.L. The Role of Anger, Victimization, and Symptoms of Posttraumatic Stress and Depression // Violence and Victims. 2005. Vol. 20. № 3.
- The United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems, Covering the Period 1990–2002 (<http://www.unodc.org/pdf/crime/eighthsurvey/5678sc.pdf>).
- Vannoy D., Rimashevskaya N., Cubbins L., Malysheva M., Meshterkina E., Pisklakova M. Marriages in Russia: Couples During the Economic Transition. Westport (Conn.), 1999.
- Wilson M.L., Daly M. Who Kills Whom in Spouse Killings? On the Exceptional Sex Ratio of Spousal Homicides in the United States // Criminology. 1992. № 30.
- World Health Organization. Table 1. Numbers and Rates of Registered Deaths. Russia (Excluding Chechnya). 2002 (http://www3.who.int/whosis/mort/table_1.cfm?path=whosis,inds,mort,mort_table_1&language=english).

© А. Лысова, 2008

Сдано в набор 19.02.2008	Подписано к печати 04.04.2008	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл.печ.л. 14,3	Уч.-изд.л. 18,5
	Усл.кр.-отт. 16,9 тыс.	Бум.л. 5,5
	Тираж 1164 экз.	Зак. 101

Свидетельство о регистрации № 0110134 от 04.02.1993
 Министерство печати и информации Российской Федерации
 Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: 119049 Москва, Мароновский пер., 26
 Издатель – Академиздатцентр "Наука", 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
 Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
 Отпечатано в ППП «Типография "Наука"», 121099 Москва, Шубинский пер., 6